

Swietłana F. Musijenko

Mińsk, Białoruś

ЭЛИЗА ОЖЕШКО, КОТОРОЙ МЫ ЕЩЕ НЕ ЗНАЛИ

Элизу Ожешко отличают три вида творчества. Первый наиболее известный и изученный – это творчество художественное, называемое в прошлом изящной словесностью. Оно отличается жанровым и эстетическим многообразием и известно человечеству благодаря переводам на множество языков.

Второй вид творчества писательницы можно назвать философско-научным. В жанровом плане в нем превалирует эссеистика (в критике чаще называлась статьями) и письма. Казалось бы этому виду творчества Ожешко исследователи уделяли достаточно много внимания. И все же... До сих пор не приведен в систему эпистолярный архив писательницы, а ее эссеистика оценивается не столько как оригинальное явление, сколько используется для подтверждения теоретических положений самих исследователей. Примером может служить исследование писательницы «Эрнест Ренан», опубликованное в издательстве «Ateneum» в 1886 году. Серьезный научный труд вызвал лишь удивление в интеллектуальных кругах, поскольку автором была женщина. Следует подчеркнуть, что писательница должна была обладать не только огромными знаниями в области христианской религии, еврейской проблематики, отличаться независимостью суждений, но и иметь огромное мужество. Все эти качества проявила Ожешко.

Возникает естественный вопрос, как все это связано с именем и деятельностью французского писателя, ученого, философа, автора интересных и во многом необычно новаторских трудов, из которых важнейшие: восьмитомное издание «История происхождения христианства» (1863–1883), пятитомная «История народа израильского» (1883–1893), «Философские диалоги и фрагменты» (1876) и др. За попытку Ренана в его трудах переосмыслить легенду об Иисусе Христе и устранить из нее чудеса и необычность клерикальная элита лишила его должности заведующего кафедрой в «Колледж де Франс». Вероятно, умолчание важных вопросов в исследовании «Эрнест Ренан» Элизы Ожешко было своеобразной политикой и официальных властей России, и католической администрации Польши. Писательница активно использовала сведения

французского ученого о еврейском народе из его труда «История народа израильского», поскольку ее исследование (1886) предварило на два года первый роман писательницы на еврейскую тему «Меир Езофович» (1888), которому суждено было впервые в творчестве Ожешко стать бестселлером в европейских литературах последних двух десятилетий XIX века.

Возвращаясь к своеобразной «триаде» творчества Ожешко, обратим особое внимание на третью его разновидность – творчество воспроизведение природы Наднеманского края. Проблема природы является одной из основных и в ее художественных произведениях, и в эссеистике, и в письмах. И все же, в наследии писательницы особое место занимает до сих пор не изученный вид творчества – творчество воспроизведение природы, как справедливо считала Ожешко, природы которой еще не коснулось ни одно перо и которое она мечтала «ввести в литературу. Было бы это счастьем столь огромным, что я даже мечтать боюсь, однако попробовать – моя обязанность. И я постараюсь ее исполнить»¹.

Природа Наднеманского края и человек в историческом и современном проявлениях – вот главные герои художественного и эссеистического видов творчества Э.Ожешко. И в этом плане она проявила себя как художник слова наивысшей значимости, как историк, философ, этнограф, хорошо знающий природу и особенности жизни человека, издавна населяющего эти земли. В третьем же виде творчества писательница, сохранив прежний дар, проявила себя как незаурядный ботаник, этнограф, краевед. Перлы описаний неповторимости красоты природы рассыпаны по всем художественным произведениям писательницы, но есть и научно описательный труд в ее наследии «Люди и цветы над Неманом», 1888 («Ludzie i kwiaty nad Niemnem»), в котором она как ученый ботаник не только описывает растительность Принеманской земли, но и систематизирует эти растения, находя по несколько их названий в историческом прошлом и в местных наречиях современности, сохраняя при этом эстетическое изящество и реалистическую достоверность, свойственную ее художественным произведениям.

В этом виде творчества у Ожешко был предшественник, которого она называла своим учителем, Юзеф Игнаций Крашевский, из огромного арсенала его творчества следует выделить художественно-этнографическое произведение «Странствия по когда-то моим околицам» (1853). Этот вид творчества приобретает популярность в последних десятилетиях XIX и начале XX вв. Среди наиболее талантливых краеведов был, несомненно,

¹ *Elizie Orzeszkowej w hołdzie*, Grodno 1929, s. 30.

Зигмунт Глогер (1845–1910). Парадокс, связанный с именем этого учёного заключается в том, что при жизни он был популярен и широко известен и как первый создатель музея оружия и старопольской энциклопедии, и как автор художественно-этнографического труда «Долинами рек» (описание путешествия вдоль Немана, Вислы, Буга, Бебжи). И как ни парадоксально он был забыт уже в 20-е гг. XX века. Факт по-своему удивительный, столь известный ученый, оставивший значительный след не только писательско-энциклопедический, но и материально-музейный «выпадает» почти на 100 лет из внимания и памяти человечества. Честь «возвращения» Зигмунта Глогера в интеллектуальный контекст науки осуществлена лишь к середине 10-х гг. XXI века молодым польским ученым, доктором хабилованным, профессором, деканом гуманитарного факультета Белостокского университета Ярославом Мариушем Лавским, который провел большую международную научную конференцию, привлек к участию в ней известных ученых Польши и ряда зарубежных стран и сумел таким образом разместить доклады о Глогере, чтобы показать его значимость не только для прошлого, но и для современной науки. Эта мысль является главной и в книге материалов конференции.

Итак, объединяют Ожешко с поколением предшественников – Ю.И.Крашевским реалистические традиции в художественной литературе, поскольку реалистическая литература Польши вышла из «шинели» Крашевского. Вторым фактором можно считать традиции краеведения и чувство природы Наднеманского края, заложенные в его книге «Странствия по когда-то моим околицам» и своеобразно продолженные в книге Э.Ожешко «Люди и цветы над Неманом». Представителем третьего творческого поколения, продолжившим традиции Крашевского и Ожешко стал Зигмунт Глогер. В его книге «Долинами рек: Описание путешествия»; к главе «Неман» предисловие написала Элиза Ожешко. В этой истории удивительным может показаться факт неупоминания этого предисловия ни в польской, ни в мировой ожешковедческой критике.

Первым в Польше сказал о предисловии лишь в 2016 году на международной научной конференции тот же профессор Ярослав Лавский. Белорусские ученые обошли вопрос молчанием... Любопытно, что книга «Долинами рек» уже более 30 лет была в книгосборе Гродненского государственного университета, причем издания 1903 г. Как случилось, что специальная полонистическая кафедра, где есть успешно работающие ожешковеды, прошла мимо столь важного события – неизвестного произведения нашей землячки? Теперь этот факт объяснить трудно.

Хотя и с опозданием, но считаю необходимым познакомить белорусского читателя с оригиналом «Предисловия» и его переводами, выполненными мною на русский и белорусский языки.

Przedmowa

Z Grodna do Kowna. Osiem dni podróży «żeglarskim szlakiem Jagiełły». Czas tak krótki i szlak niedługi, dostarcza nam przecież mnóstwa wrażeń i tłumu widoków. Jak to? Nie nad Renem, nie w saskiej Szwajcarii, nie w południowej Francji, lecz po tym skromnym naszym Niemnie płynąc, doświadczyć możemy mnóstwa wrażeń i spotykać tłum widoków! A tak, dla wielu, niestety, rzecz ta wyda się niespodziewaną i niemal nieprawdopodobną, jednak jest ona zupełnie prawdziwą.

Podróżując z p. Glogerem, zwiedzamy stare i w dziejach znane miasteczka, przechadzamy się po kwiecistych łąkach i ciemnych, jodłowych borach, po resztkach puszczy odwiecznych, w których niegdyś rozlegały się trąby monarszych polowań, które Sarbiewski już opiewał:

Wre szczerza ochota,
Od szczekania brytanów rozlega się puszcza,
Usta spaliła spiekota...

Zaznajamiamy się z nadwodną ludnością orylów, prowadzących po Niemnie baty i wiciny, poznajemy jej odrębne cechy, zarobki, sposób życia, narzędzia, którymi pracują. Tu drogę nam zastępują z wód wyłaniające się ogromne kłody czarnych dębów, tam wody te wrą i szumią na potężnych „rapach”, z których każda nosi oddzielną, często charakterystyczną i malowniczą nazwę, jako to: Most dyabelski, Bicze, Biczęta, Gog, Kocioł, Szklanka itd. Bardzo ciekawym jest fakt, o którym w czasie przebywania rap opowiada p. Gloger, że dzieło oczyszczania i przysposobiania do żeglugi Niemna przedsiębrane było już za Zygmunta Augusta przez Mikołaja Tarłę ze Szczekarzowic, chorążego przemyskiego i że ziemianie litewscy tak dobrze rozumieli podówczas ważność rozpoczynającej się roboty (dodajmy też, że tak wysoko pracę cenili), iż zamierzali Tarle wznieść pomnik kamienny, gdyby jej dokonał. Lecz dokonaną ona nie została ani wtedy, ani następnie za Stanisława Augusta, który, zachęcony przez Tyzenhauza, oczyszczenie Niemna z głazów porучzył Komisji Skarbowej, a specjalnie biegłemu w matematyce i mechanice Franc. Narwojszowi, jezucie, proboszczowi grodzieńskiemu. Przez trzy lata z pomocą sprowadzonych z Anglii nurków, Narwojsz pracował i pracy całkowicie dopełnić nie zdołał, wskutek czego znowu pomnik dla niego zamierzony i już w nadpis Krasickiego zaopatrzony nigdy nie stanął.

Jedną z najciekawszych stron podróży po Niemnie, stanowią mistrzowsko malowane wnętrza nadbrzeżnych karczem, chat chłopskich, domków mieszczkańskich. W tych siedliskach ludzkich, w najrozmaitszy sposób budowanych, meblowanych i ozdabianych, spotykamy też ludność różną: Rusinów, Litwinów, Tatarów itd. Jednak co do tej różnorodności szczepów, jeden kawał ziemi zamieszkujących, p. Gloger czyni bardzo trafną uwagę, iż nie jest ona tak absolutną, jakby się to zrazu zdawać mogło. «Mieszanie się ludności we wszystkich prowincjach i warstwach odbywało się ciągle, w tysiączny sposób (napady wojenne, osiedlanie jeńców wojennych, porywanie niewiast, kolonizacje, małżeństwa itd.), a na przestrzeni (pomiędzy Dnieprem, Dźwiną i Karpatami) nie ma dziś podobno człowieka, który by w długiej linii zapomnianych wiekami przodków nie otrzymał krwi ze wszystkich prowincji i plemion». Wiekowe mieszanie się plemion nie spowodowało zatarcia się różnic językowych, ani wielu innych cech prowincjonalnych, lecz może im ono ułatwić zgodne pożycie wspólne. W ogóle »podróż po Niemnie« nasuwa uwagę, że umysły podróżników dzielą się na dwa rodzaje: jedne dlatego, aby wzruszenia i ciekawości doświadczyć, a z kolei czytelnikom ich udzielić, potrzebują widoku rzeczy rzadkich, ogromnych, nowością lub wspaniałością swoją uderzających wyobraźnię, porównać zaś je można do wód leniwych, które przez silne tylko uderzenia w ruch wprawionymi być mogą. Umysły zaś drugiego rodzaju w otoczeniu na pozór najzwyklejszym i powszednim, wśród zjawisk, które innym wydają się stare i nieme, wynajdują i krzeszą dla myśli i dla fantazji obfite źródła wiedzy i piękności. Są to instrumenty o strunach licznych i tak wysubtelniejszych, że najłżejsze dotknięcie wystarcza, aby śpiewały.

Do tych drugich umysłów, niepotrzebujących cudów ani gromów, aby język życia ludzi i rzeczy rozumieć, należy pan Gloger. Podróż jego posiada ten lot myśli i to serdeczne ciepło, które zdradzają uczonego, ukazując w nim poetę. Zakończenie zaś jej chętnie i głęboko wyryłabym w umyśle każdego dorastającego młodzieńca.

Eliza Orzeszkowa

Предисловие

Из Гродно в Ковно. Восемь дней путешествия «мореходным путем Ягеллы». Время короткое и путь недлинный, но дал он нам множество впечатлений и массу картин. Как это? Не над Рейном, не в Саксонской Швейцарии, не в южной Франции, а плывя по этому скромному нашему Неману, мы можем испытать массу впечатлений и увидеть множество картин! А так, для многих, к сожалению, это явление кажется неожиданным и почти неправдоподобным, но оно является абсолютно реальным.

Путешествуя с господином Глогером, мы посещаем старые и известные в истории маленькие города, прогуливаемся по цветочным лугам и темным пихтовым борам, по остаткам вековых пущ, в которых когда-то разносились звуки трубы монаршей охоты, ее воспел уже Сорбевский:

Мчится настоящая охота.
Лай псов разносится по пуще
Уста сжигает жара.

Знакомимся с группой пребывающих на воде плотогонов, направляющих по Неману боты и баржи, узнаем их отличительные качества, заработки, образ жизни, инструменты, с которыми они работают. И вдруг нам преграждают путь «вынырывающие» из воды огромные бревна черных дубов, в этом месте вода бурлит и шумит на мощных быстринах, из которых каждая несется отдельно, часто имея характерное и живописное название, как то: Дьявольский мост, Кнуты, Кнутики, Франт, Котел, Стакан и т.д. Очень интересным был факт, о котором во время ускорения течения рассказывал господин Глогер, делом очистки и подготовки к судоходству Немана занимались еще во времена Станислава Августа: Николай Тарле из Щекажовиц, хорунжий из Пшемысла и литовские крестьяне, все они так хорошо понимали в то время значение начинавшейся работы (подчеркнем, что работу эту ценили), что намеревались поставить памятник Тарле, если бы он ее выполнил. Но выполнена эта работа не была ни тогда, ни позднее при Станиславе Августе, который был так увлечен Тызенгаузом, что очистку Немана от булыжников поручил казначейской комиссии, в частности, опытному в математике и механике французу Нарвойшу, иезуиту, гродненскому приходскому священнику. Три года вместе с выписанными из Англии ныряльщиками работал Нарвойш, но работу полностью сделать не сумел, в результате чего обещанный ему памятник с уже готовой надписью Красицкого никогда не был установлен.

Одной из наиболее интересных сторон путешествия по Неману представляли мастерски разрисованные интерьеры прибрежных корчм, деревенских домов, домиков мещан. В этих человеческих поселениях, построенных всевозможными способами, мебелированных и украшенных, мы встречаем и представителей разных национальностей: русских, литвинов, татар и т.д. Но, что касается такого разнообразия племен, заселивших один кусочек земли, то господин Глогер высказал очень остроумное замечание о том, что процесс смешивания народов не является законченным, как это могло показаться. «Смешивание народов во всех провинциях и социальных слоях происходит постоянно и тысячными способами (военные нападения,

поселение военнопленных, похищение невест, колонизаторство, женитьба и т.д.), а на территории (между Днестром, Двиной и Карпатами), пожалуй, нет человека, который бы в длинной линии забытых веками предков не получал бы кровь в всех провинциях и племен». Извечное смешивание племен не привело к стиранию ни граней языковых, ни стирания множества других провинциальных черт, наоборот, возможно, это облегчило им совместное мирное проживание. В целом «Путешествие по Неману» обращает внимание на то, что разум путешественников представлен двумя разновидностями: одна – для того, чтобы волнения и любознательность испытать, и чтобы передать все это читателям, нужны описания явлений редких, огромных, трогающих воображение новизной или своей красотой, возбуждающей сознание, это можно сравнить с неподвижными водами, которые приводятся в движение сильными ударами. Разум же другой разновидности находится в окружении кажущемся обыкновенным и обыденным среди явлений, которые одним видятся старыми и безмолвными, но другие находят в них и воображают в мыслях и фантазиях обширные источники знаний и красоты. Эти инструменты с большим количеством струн, столь деликатных, что нежнейшего прикосновения к ним достаточно, чтобы они зазвучали.

Для тех, других владельцев разума, не требующих ни чудес, ни фанфар, чтобы понять язык жизни людей и вещей, к ним следует отнести господина Глогера. Его путешествие имеет полет мысли и то сердечное тепло, которое проявляет в нем не только ученого, но и показывает поэта. Заканчивая, я охотно и глубоко втолковала бы это в голову каждого подрастающего человека.

Элиза Ожешко

Прадмова

З Гародні ў Коўна. Восем дзён падарожжа «мараходным шляхам Ягеллы». Час кароткі і дарога нядоўгая, але дала яна нам шмат ўражанняў і мноства карцін. Як гэта? Не з-над Рэйну, не ў Саксонскай Швейцарыі, не ў паўднёвай Францыі, а плывучы па гэтаму сціпламу нашаму Нёмане, мы можам адчуць мноства ўражанняў і ўбачыць шмат карцін! А так дзеля тых, многіх, каму, на жаль, гэта з'явіцца выдаецца нечаканым і амаль непраўдападобным. Але ж не: яно абсалютна праўдзівае.

Падарожнічаючы разам са спадаром Глогерам, мы наведваем старыя, вядомыя ў гісторыі мястэчкі, прагульваемся па квятнеючых лугах і цёмных піхтавых барах, па рэштках адвечных пушчаў, па якіх калісьці разносіліся гукі трубы манаршага палявання, яго Сарбеўскі ўжо апеў:

Імчыцца сапраўднае паляванне.
 Брэх псоў разносіцца па пушчы.
 Вусны паліць спякота.

Знаёмімся з групай людзей, што знаходзіліся на вадзе – платагонамі. Яны накіроўвалі па Нёмане боты і баржы. Пазнаём іх адметныя якасці, заробкі, вобраз жыцця, прылады, з якімі яны працуюць. Раптам нам перагарадзілі дарогу велізарныя бярэны чорных дубоў. Яны «вынырвалі» з вады, а воды ў гэтым месцы на моцных быстрынах бурляць і шумяць, пры гэтым кожная з іх мае сваю мянушку або характэрную, або маляўнічую, напрыклад: Чартоўскі мост, Бізуны, Бізункі, Франт, Кацёл, Кубак і г.д. Цікавы быў факт, аб якім у час паскарэння плыні распавёў пан Глогер. Справай чысткі і падрыхтоўкі Нёмана да судаходства займаліся яшчэ ў часы Станіслава Аўгуста Мікалай Тарле са Шчакажовіц, харужы з Пшэмысла і літоўскія сяляне, яны добра разумелі ў тых часы значэнне пачатку працы (падкрэслім, што працу гэтую цанілі), што мелі намер паставіць помнік Тарле, калі б ён выканаў гэтую працу. Але яна не была выканана ні тады, ні пазней пры Станіславе Аўгусце, які быў так прываблены Тызенгаўзам, што даручыў чыстку Нёмана ад камення казначэйскай камісіі, менавіта вопытнаму ў матэматыцы і механіцы французу Нарвойшу, езуіту, гарадзенскаму парафіяльнаму святару. Тры гады разам з выпісанымі з Англіі нырцамі працаваў Нарвойш, але работу поўнасьцю выканаць не змог, у выніку чаго абяцаны яму помнік з ужо гатовым надпісам Красіцкага ніколі не быў пастаўлены.

Адным з найбольш цікавых бакоў падарожжа па Нёмане прадстаўлялі па-майстэрску размаляваныя інтэр’еры прыбярэжных корчмаў, драўляных дамоў, дамкоў мяшчан.

У гэтых людзкіх паселішчах, пабудаваных рознымі спосабамі, мэбляваных і ўпрыгожаных, мы сустрэліся і з прадстаўнікамі розных нацыянальнасцяў: расіянамі, ліцьвінамі, татарамі і г.д. Але, што тычыцца такой разнастайнасці плямёнаў, якія засялілі адзін кавалачак зямлі, то спадар Глогер выказаў вельмі дасціпную заўвагу аб тым, што працэс змешвання народаў яшчэ не скончыўся, як гэта можа выдавацца. «Змешванне народаў ва ўсіх правінцыях і сацыяльных сляях праходзіла пастаянна (вайсковыя нападзенні, пасяленні ваеннапалонных, крадзеж нарачоных дзяўчат, каланізатарства, жаніцтва і г.д.), а на тэрыторыі паміж Дняпром, Дзвіною і Карпатамі, бадай, няма ўжо чалавека, які бы ў доўгай лініі продкаў не атрымаў бы крыві ад усіх правінцый і плямёнаў». Спрадвечнае мяшанне плямёнаў не прывяло да сцірання ні межаў моўных, ні мноства іншых правінцыяльных рысаў, а наадварот, магчыма, гэта аблягчала ім сумеснае

мірнае пражыванне. Наогул «Падарожжа па Нёмане» звяртае ўвагу на тое, што розум падарожнікаў прадстаўлены дзвюма разнавіднасцямі: адна, дзеля таго, каб хваляванні і цікаўнасць адчуць, але каб усё гэта перадаць чытачам, патрэбныя апісанні з'явішчаў рэдкіх, велізарных, кранаючых уяўленне навізнаю ці сваёй прыгажосцю, якая ўзбуджае святдомасць. Гэта можна параўнаць са спакойнымі водамі, якія прыводзяцца ў рух моцнымі ўдарамі. Розум жа другой разнавіднасці, знаходзіцца ў акружэнні, якое выдаецца звыклым і абыдзеным сярод з'явішчаў, якія адным выдаюцца старымі і маўклівымі, але другія знаходзяць у іх і ўяўляюць у думках і фантазіях велізарныя крыніцы ведаў і прыгажосці. Гэтыя інструменты маюць вялікую колькасць струнаў, прычым настолькі далікатных, што нават самага легкага дакранання да іх дастаткова, каб яны загучалі.

Дзеля тых, другіх уладальнікаў розуму, не патрэбна ні цудаў, ні фанфараў, каб зразумець мову жыцця людзей і рэчаў, да іх варта аднесці спадара Глогера. Яго падарожжа мае лёт думкі і тую сардэчную цеплыню, якая выяўляе ў ім не толькі вучонага, але паказвае і паэта. Заканчваючы, я ахвотна і глыбока ўсё гэта ўтлумачыла б у галаву кожнага падрастаючага чалавека.

Эліза Ажэшка

* * *

Переводы предисловия Ожешко к главе «Неман» криведческой книги Глогера проявили еще одну «трилогию» в творчестве писательницы. Она связана с тремя версиями отношений Ожешко к Неману: эмоционально-эпохальное (роман «Над Неманом»), эмоционально-аллегорическое (повесть «Хам») и эмоционально-документальное («Предисловие» к главе «Неман» книги «Долинами рек» Зигмунта Глогера).

Итак, роман Элизы Ожешко «Над Неманом» по праву относят к произведениям мировой и национальной классики. Роман имеет органическую связь истории с современностью, жизни типичных для XIX века героев с жизнью автора и гармоничное единство человека и природы, имеющей локальные, любимые писательницей черты. Главным и идейно определяющим местом романа является выраж Немана у деревень Богатыревичи и Корчин, где «встречается» история, связанная с легендарной могилой Яна и Цецилии (легенду сочинила сама Элиза Ожешко). Письмена на камне предполагаемого захоронения героев не расшифрованы до сегодняшнего дня, но в течении полутора столетий выполняется романский завет Ожешко: местные жители ставят над могилой деревянное распятие. Вторая могила связана с пережитой героями и автором трагедией разгрома восстания 1863 г. В ней похоронены участники восстания. Писательница

считает, что их было 48, как библейских святых, потерпевших за христианство. Современность в романе связана и с любовью, которую Ожешко считает смыслом жизни. И эта любовь проявляется здесь, на Немане: несравненно прекрасно описанный эпизод «любовного эха» – встречи Яна Богатыревича (крестьянина ныне, но потомка дворян Яна и Цецилии) и Юстины Ожельской – шляхтянки. Они у Ожешко реализуют идейный идеал – союз здоровых сил общества во имя независимости Родины. Позитивизм? Несомненно, в него верила писательница. И все же! Видимо, внутренние споры она по этому поводу вела сама с собой.

Свидетельством может служить эмоционально-аллегорическое отношение к любимой реке, проявившееся в повести «Хам». Неман в произведении выступает в двух ипостасях, является самостоятельным героем – выразителем красоты природы и одновременно представляет аллегория жизни человека, гармонично живущего с природой Павла, но его попытка вернуть любимую женщину, «испорченную буржуазным городом» Франку к нравственным основам бытия, герою не удалась, поэтому утешение он находит не среди людей, а на берегу Немана. Река возвращает его к жизни. Итак, позитивизм, призывавший к союзу здоровых сил общества, оказался лишь мечтой его сторонников...

Эмоционально-документальное видение Немана Ожешко показала в «Предисловии», сопроводив свои восторженно-реалистичные описания любимой реки рассказом от собственного имени. Была ли писательница в составе путешествовавшей группы ученых мужчин? Видимо, нет. В этом проявилась и оригинальность ее художественного приема, и оригинальность похвалы Ожешко в адрес автора книги Зигмунта Глогера. Подчеркивая значимость его таланта, она пишет: «Его путешествие имеет такой полет мысли и такое сердечное тепло, которое будто прячет в нем ученого и показывает поэта»². Не случайно Ожешко так изящно и точно определила талант Глогера. Ведь сама она не просто любила наднеманскую природу, а изучала ее как специалист-ботаник. Известно, что почти весь гродненский период жизни Ожешко занималась изготовлением альбомов-гербариев. Сколько их было, наверное, не знает и никогда не узнает никто. Для этих альбомов она подбирала не только растения, но и сама ткала материал, причем разного характера – от рогожи до атласа, который служил основой, а точнее фоном, на котором эти растения засушивались и, что удивительно, оставались столь же прекрасными как при жизни. Писательница любила такие альбомы-гербарии дарить друзьям. Возможно, Ожешко обладала

² Z. Gloger, *Dolinami rzek*, Warszawa 1903, s. 4.

не только талантом ботаника с огромным чувством прекрасного, но и владела какой-то удивительной тайной. Засушенные ею растения и сегодня выглядят живыми и прекрасными.

Bibliografia

- Gloger Z., *Dolinami rzek: opisy podróży wzdłuż Niemna, Wisły, Bugu i Biebrzy*, Warszawa 1903.
- Gloger Z., *Podróż Niemnem*, „Wisła” 1888, t. 2, z. 1–2, s. 3–84, 247–307.
- Orzeszkowa E., *Listy z ustronia. IV*, „Kraj” 1890, nr 11, s. 3.
- Ławski J., *Tajemnica „przedmowy” Orzeszkowej do „Dolinami rzek” Zygmunta Glogera*, w: *Eliza Orzeszkowa: pamięć kultury. Studia i głosy*, red. naukowa J. Ławski i S. Musijenko, Grodno–Białystok 2019, s. 311–327.
- Noworolska B., *Wokół „Dolinami rzek” Zygmunta Glogera*, w: *Zygmunt Gloger: pisarz, myśliciel, uczoney. Studia*, red. naukowa J. Leończuk, J. Ławski, Ł. Zabielski, Białystok 2016, s. 67–82.

Swietłana F. Musijenko

Minsk, Belarus

THE UNKNOWN ELIZA ORZESZKOWA

Summary

The article alludes to the International Scientific Conference “The Memory of Culture: Eliza Orzeszkowa’s ever-living words. On the 175th anniversary of the writer’s birth, Grodno 27–28 October 2016, which was organised by the Yanka Kupala State University of Grodno and the University of Białystok. It yielded a monograph entitled *Eliza Orzeszkowa: the memory of culture. Studies and voices*, scientific editors J. Ławski and S. Musijenko, Grodno – Białystok 2019. The text by the Polish co-editor of the volume depicts the relationship between Eliza Orzeszkowa (1841–1910) and Zygmunt Gloger, a Polish publicist, ethnographer and historian (1845–1910). The author decided to translate a fragment of Orzeszkowa’s article into Belarusian and Russian. Gloger used this fragment as a motto for the first chapter of his book entitled *Dolinami rzekami: opisy podróży wzdłuż Niemna, Wisły, Bugu i Biebrzy* [Through the river valleys: a voyage along Neman, Vistula, Bug and Biebrza] (Warsaw 1903). This is not an introduction to the entire volume, but to Chapter 1 of this book, reprinted with Orzeszkowa’s permission from her review of Gloger’s reportage published by Orzeszkowa in a Polish magazine (*Listy z Ustronia. IV*, “Kraj” 1890, no. 11). As shown by prof. Musijenko, Orzeszkowa and Gloger shared the emotional, worshipful perspective on the Neman River.

Keywords: Eliza Orzeszkowa, Zygmunt Gloger, Neman River, travel literature, the *Nad Niemnem* novel [On the Neman River].

SWIETŁANA MUSIJENKO – prof. em. dr hab., twórczyni Katedry Filologii Polskiej na Grodzieńskim Uniwersytecie Państwowym im. Janki Kupały (Białoruś). W 1989 roku założyła pierwsze na świecie Muzeum Zofii Nałkowskiej. Muzeum to pełni funkcje oświatowe, naukowe oraz metodyczne. Inicjatorka powstania w Grodnie naukowo-dydaktycznego centrum koordynacyjnego „Międzynarodowy Instytut Adama Mickiewicza” (2009). Autorka książek: *Žanrovo-stilevyje iskaniâ v sovremennoj poľskoj proze: (konec 50-h – seređina 60-h gg.)* (Moskwa 1971), *Realističeskij roman v poľskoj literature mežvoennogo dvadcatiletiâ (20-30-e gg. XX v.). Monografiâ* (Grodno 2003). Od 2019 roku mieszka w Mińsku.